

Челябинский гуманитарий. 2024. № 2 (67). С. 76–83.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2024; 2 (67), 76–83.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 316.7

DOI 10.47475/1999-5407-2024-67-2-76-83

ФЕНОМЕН ВИНЫ В СТРАТЕГИЯХ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА В АКТУАЛЬНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Ирина Борисовна Ткачук

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, elfxf-18@mail.ru

Аннотация. Феномен вины рассматривается в контексте исследования автором стратегий личностного роста. Объективная закономерность взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира позволяет нам рассмотреть объекты исследования – вину и личностный рост – в классической парадигме жизненных обстоятельств. Данные феномены представлены нами в актуальной культурной ситуации: в структуре личного, индивидуального; как часть структуры общественного, коллективного; на нескольких социальных уровнях: личном, общественном, коллективном; на когнитивном, эмоциональном и рациональном уровнях; в корреляции с институтами и институциональными практиками; как поле координат для формирования стратегии личностного роста в актуальной культурной ситуации. Мы предполагаем, что, под влиянием исторических и культурных событий вина может быть встроена в тип мышления и тип реакции личности, влиять на волевые качества. В статье изучаются возможные корреляции данного феномена с типом стратегии личности в контексте индивидуальной и коллективной культуры преодоления негативного жизненного сценария. Мы исследуем проявление вины: в литературных произведениях; в патологических ситуациях суицида и буллинга; в личностных позициях жертвы, агрессора, наблюдателя, родителей и волонтеров. Мы обращаемся к примерам абьюза в школьном и трудовом коллективе, объясняя исследуемый феномен в поле психотерапии, обозначая ракурс внимания на позитивный выход из негативной жизненной ситуации в ресурсное личностное развитие. Мы говорим о корреляции вины со стыдом и молчанием либо злостью и желанием опубличить агрессора – озвучить травмирующее событие, приводим пример возможной трансформации вины в силу. Переживание вины выступает в актуальной культурной ситуации основой нравственности индивида, а данное исследование представляет интерес для культурологического знания: обобщает и явно демонстрирует устойчивые модели поведения, характерные для русской культуры; фиксирует культурные нормы, сформированные десятилетиями в российском обществе; указывает на возможности моделирования поведения – как общественной нормы – в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: вина, выбор, адаптация, стратегия, жертва, агрессор, наблюдатель, суицид, буллинг, абьюз, родители, волонтеры, русская культура, актуальная социокультурная ситуация.

Для цитирования: Ткачук И. Б. Феномен вины в стратегиях личностного роста в актуальной социокультурной ситуации // Челябинский гуманитарий. 2024. № 2 (67). С. 76–83. doi: 10.47475/1999-5407-2024-67-2-76-83

Original article

THE PHENOMENON OF GUILT IN PERSONAL GROWTH STRATEGIES IN AN ACTUAL SOCIOCULTURAL SITUATION

Irina B. Tkachuk

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, elfxf-18@mail.ru

Abstract. The phenomenon of guilt is considered in the context of the author's study of personal growth strategies. The objective regularity of the interrelation and interdependence of the phenomena of the material and spiritual world allows us to consider the objects of research – guilt and personal growth – in the classical paradigm of life circumstances. We present these phenomena in an actual cultural situation: in the structure of the personal, individual; as part of the structure of the social, collective; at several social levels: personal, social, collective; at cognitive, emotional and rational levels; in relation to institutions and institutional practices; as a field of coordinates for the formation of a personal growth strategy in an actual cultural situation. We assume that under the influence of historical and cultural events, guilt can be embedded in the type of thinking and type of reaction of a person, influence volitional

qualities. The article examines the possible correlations of this phenomenon with the type of personality strategy in the context of individual and collective culture of overcoming a negative life scenario. We explore the manifestation of guilt: in literary works; in pathological situations of suicide and harassment; in the personal positions of the victim, aggressor, observer, parents and volunteers. We turn to examples of abuse at school and in the workforce, explaining the phenomenon under study in the field of psychotherapy, pointing out the angle of view on a positive way out of a negative life situation into a resource for personal development. We are talking about the relationship of guilt with shame and silence, or anger and the desire to publicize the aggressor – voicing a traumatic event, we give an example of a possible transformation of guilt into power. The experience of guilt is the basis of an individual's morality in a real cultural situation, and this study is of interest for cultural knowledge: it summarizes and clearly demonstrates stable patterns of behavior characteristic of Russian culture; fixes cultural norms that have been formed for decades in Russian society; indicates the possibilities of modeling behavior - as a social norm - in the socio-cultural space.

Key words: guilt, choice, adaptation, strategy, victim, aggressor, observer, suicide, bullying, abuse, parents, volunteers, Russian culture, current sociocultural situation.

For citation: Tkachuk I. B. (2024). The phenomenon of guilt in personal growth strategies in an actual sociocultural situation. *Chelyabinskij Gumanitarij, 2* (67), 76–83. doi: 10.47475/1999-5407-2024-67-2-76-83

Введение

Культурное пространство образовано множеством феноменов, которые формируются вследствие взаимодействия субъектов и объектов. Имея способность переживать различные психологические состояния, люди как субъекты могут испытывать, в том числе, вину, присваивая её как объект. Поэтому мы можем исследовать данный феномен одновременно как звено культурной модели, сложное психологическое состояние личности и компонент стратегии личностного роста. Особый интерес для нас вызывает вина с точки зрения культурологии, так как, влияя на принятие культурно – нравственных решений, может менять ход истории, неожиданно создавая и укрепляя новые ценности. С нашей точки зрения, в культурологии вину можно рассмотреть в двух направлениях: продуктивном и негативном. Например, в культуре преодоления, которую мы относим к продуктивному направлению, мы можем рассмотреть вину как момент истины, мотив, процесс и путь к раскаянию, то есть путь к дальнейшему развитию. В негативном направлении – как стагнацию, травму, потерю социально – культурной устойчивости, разрушение морально – нравственных ценностей. Возникновение вины является следствием взаимодействия большого количества субъектов и объектов, поэтому мы можем исследовать данный феномен не только как индивидуальное психологическое состояние, влияющее на личную стратегию, но и коллективное культурное явление, отражающее актуальные модели поведения индивида в социуме.

Систематическое и глубокое чувство вины может вызывать неврозы, формируя в человеке беспомощность, тревожность и тоску, делая глубоко несчастным, неспособным к преодолению. Специалисты связывают: чувство вины, неврозы и суицид – как причину и следствие. Например, президент Санкт-Петербургского центра социальной реабилитации и адаптации психолог Кирилл Титов убежден: причина наших неврозов коренится в чувстве вины, навязанном нам с раннего детства. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), каждые 40 секунд кто-то из жителей Земли уходит из жизни сознательно, кончая жизнь самоубийством (Предотвращение убийств 2024).

Рассмотрим, каким образом вина может быть встроена в стратегию жизненного пути личности. Понимая, что модели поведения индивида формируются не только под влиянием коллективных явлений, но и личного пережитого жизненного опыта, предположим, что это возможно:

- в ситуации преодоления личностью внутреннего конфликта (принятие конечности жизни, боль, потеря, утрат и как антагонистическое движение – проявление высших человеческих добродетелей: альтруизм, родительство, волонтерство);
- в произведениях литературы, в том числе в школьной программе, изучаемых в России десятилетиями;
- в ситуации проявления предельной агрессии между субъектами в рамках социокультурного процесса (образовательного, воспитательного, бытового) – а также в процессе буллинга, суициде.

Вина в научном дискурсе: обзор подходов

Рассмотрим точки зрения учёных на данный феномен.

Например, в психологии: феномен вины – это «восприятие «Я» критики «Сверх-Я», напряжение между требованиями «Сверх-Я» и достижениями «Я» (Фрейд Зигмунд 2007); «результат рассогласования реального поведения со стандартами поведения, характерными для супер-эго» (Кляйн М. 1997); Ирвин Ялом подчеркивал тесную связь чувства вины с ответственностью (Ялом И. 1999); Ролло Мэй считал, что чувство вины появляется из-за восприятия различия между тем, кем является человек, и тем, каким, по его мнению, он должен быть. Данная эмоция возникает в случае, если человек отрицает собственные потенциальные возможности или же терпит неудачу (Ролло Мэй 2012); Аарон Бек считает, что вина и самокритика возникают как результат приписывания себе причинности событий и ответственности за неудачи (Бек Аарон 2012);

в культурологии: «переживание вины выступает в культуре сегодняшнего индустриального и постиндустриального общества ядром культурно-нравственной жизни» (Тимошенко 2014);

в социологии: феномен вины выступает как «регулятор социального поведения, то есть психологический механизм» (Кон 2014; Короткова 2002); как «этическая эмоция, формирующая моральное самосознание» (Сидоренко 1971);

в филологии – «базисным средством экспликации концепта ... вины ... является метафора, в частности такие ее разновидности, как антропоморфная и натурморфная, высокая продуктивность антропоморфной метафоры обусловлена релевантностью для человека его собственных действий и поступков; продуктивность натурморфной метафоры обусловлена утилитарной ценностью мира вещей» (Дженкова 2005);

в философии: феномен вины занимает особое место в «пограничных ситуациях», и требует глубинного нравственного и духовного преодоления, зависящего не только от наказания со стороны общества, но и внутреннего преодоления и вслед за этим обновления человека (Jaspers Karl 1973); также феномен вины может проявляться как «прошлое, против которого я восстаю, но не идентичное тому прошлому, каким оно становится, когда я с ним примиряюсь» (Марсель 2004); можно напомнить притчу Гегеля о «рабе» как жертве и «господине» как палаче (Гегель 1977); важно вспомнить в контексте изучения феномена вины о воле к победе, как акценте на «агрессоре» в личности у Ницше (Ницше 2023); а также о метаниях «агрессора» и «жертвы» в личности героя Раскольникова «тварь и я дрожащая или право имею» в романе Достоевского (Достоевский 2008). Подобный философский взгляд переплетается с взглядом на феномен вины и её переживание в экзистенциальной психологии: утраты связи с Абсолютом;

в религии: христианство (Библия 1992) и ислам (Коран 1990), подчеркивают важность моральных ценностей и моделей поведения. Эти религии рассматривают феномен «вины» как моральную эмоцию, возникающую в результате нарушения законов и принципов Бога.

Обобщая взгляды учёных, можно предположить, что вина является адаптивным элементом индивидуальной и коллективной культуре преодоления, своеобразным критическим периодом в принятии решений; может стать ресурсом: мерилем нравственности, уровнем отсчёта, мотивом к раскаянию – в системе жизненного пути. Не называя источники вины, данный феномен рассматривается как травмирующий элемент и ресурс, влияющие на тип мышления и тип реакции личности, на волевые качества, на формирование жизненного пути человека: стратегию и личностный рост.

Вина как элемент стратегии личностного роста:

вина в культуре преодоления

Мы предполагаем, что в системе институциональных практик вина формировала жизненные стратегии многих поколений россиян. Вина, проявляясь в жизненной стратегии личности, может быть наполнена различными оттенками русской трагедии: ужас, отчаяние, потерянности, безрассудство, безысходность, страх, подавленность, но также и риск, желание действовать, оперативность, собранность, раскаяние. Таким образом, вина содержит адаптивный компонент: наполнена одновременно травмой – указывает на болевые точки и точки опасности, и ресурсом – помогает моделировать поведение личности в любой социокультурной ситуации. На формирование стратегии личности в культуре преодоления влияют социокультурные явления: традиции семьи, картины родной природы, первые друзья и враги, лица педагогов, магия театра, герои любимых книг и любимых литературных героев. В зависимости от точек соприкосновения с прекрасным и ужасным - формируются паттерны и аффекты, как компоненты стратегий личностного роста. Так фиксируется и воплощается в стратегию – личный пережитый жизненный опыт, в котором может быть вина.

Вина в литературных произведениях

Предполагая, что вина и культура преодоления в стратегии индивида коррелируют, рассмотрим влияние литературных произведений на формирование личности. Литература, представленная для детей в школьной программе, демонстрирует желательные модели поведения в социуме, таким образом моделирует стратегии принятия решений в любой культурной ситуации. Из опыта нескольких поколений россиян, в том числе из собственного опыта, мы знаем, что в программе дошкольного и школьного образования по предмету «Литература» представлены произведения, в которых переживается вина, а герои выступают в роли жертвы, агрессора или наблюдателя/спасателя. Как правило, фабула литературного произведения связана с виной: герой произведения испытывает вину или спасается от чувства вины или ищет событие как наказание, чтобы испытывать вину. Читатели, сопереживая героям, присоединяясь к переживаемым событиям и эмоциям, сами испытывают различные эмоции. Поскольку вина широко представлена в произведениях литературы на протяжении многих десятилетий, мы можем предположить, что эмоции и переживания, которые представлены данным феноменом, стали паттернами, аффектами – глубоко впитаны в культурную модель поведения каждого россиянина.

Суицид и буллинг

Рассмотрим, как взаимодействуют с виной люди невротического и психопатического типа в ситуации суицида и буллинга. В ситуациях предельных для личности форм агрессии реакция индивидов различается: оба типа могут проявлять агрессию, деструктивное поведение, но невротик испытывает вину, а психопат – не способен. Таким образом, вина встроена в стратегию жизни невротика, влияет на принятие решений, но не встроена в стратегию жизни психопата и не влияет на принятие решений. Рассмотрим данный феномен в поле психологической помощи человеку. В детских коллективах и трудовых коллективах не принято обсуждать какой – либо абьюз, а жертва, как правило, предпочитает молчать, не смотря на движение «Территория без буллинга». Поскольку вина является точкой отсчёта нравственности поступка, основная задача – переместить вину внутри своей стратегии из зоны «боль» в ресурс для развития. Таким образом, жертве нужно поднимать в себе не стыд, а ярость, злость и желание опубличить агрессора – садиста, озвучить событие. Здесь важна работа психолога, который научит: технике трансформации вины в силу; гордиться любым испытанием как опытом силы; корректировать стратегию личностного роста, используя вину как знак, световую точку, аффект – для внутренней борьбы, для формирования своей культуры преодоления негативного жизненного сценария. Каждый индивид находится, по выражению российского культуролога А. Я. Флиера, в «персональной культурной тюрьме», являясь рабом предписаний культуры» (Флиер 2008). В процессе жизни мы, находясь в рамках предписаний культуры, ориентируемся на социальные и культурные нормы, приемлемые в данном обществе. Переживание вины может уничтожить личность и её жизненный путь, либо стать мощным мотивом и ресурсом для дальнейшего построения культуры преодоления.

Ситуация проявления предельной агрессии между субъектами, порождающая вину

Рассмотрим вину в контексте преодоления субъектом предельной агрессии во взаимодействии с группой. Поскольку жизнь человека связана с непрерывной физиологической, эмоциональной и чувственной адаптацией, взаимодействие с агрессивными проявлениями социума, неизбежно. Субъект не может контролировать выбор своей социальной группы в раннем дошкольном и школьном возрасте, вынужден приспосабливаться к культурным нормам того коллектива, в котором растёт и развивается. Дискомфорт от общения, страдание, боль, переживание от несоответствия себя и своих желаний – данной группе, указывают на болевые точки личности, в которых звучит вина за несоответствие актуальным коллективным культурным нормам. Необходимость следовать им – могут делать несчастным, разрушать личность, укреплять чувство вины, склоняя к соглашательству и конформизму; но могут и совершенствовать траекторию движения личности по жизненному пути – учить действовать принципиально, бороться, формируя культуру преодоления. Поиск баланса между смелыми мечтами и рациональным пониманием актуальной культурной ситуации могут вызывать вину, так как содержат столкновение между желаемым и реальностью. Несогласие с реальностью порождает внутренний конфликт личности, который может вести к неврозу и чувству вины, которые естественно связаны с адаптивными процессами человека и встроены в жизненный путь индивида. Рассмотрим стратегии поведения в социальной группе у субъектов с различными стратегиями поведения в рамках «трагичного треугольника» (Karpman 2019):

- первый компонент «жертва» был сам подвергнут страданиям, не имеет возможности защитить себя;
- второй компонент «агрессор» находится в критической точке отсутствия контроля над морально – нравственными ценностями, на момент агрессивности не способен к эмпатии;
- третий компонент «наблюдатель» испытывает трагедию внешнего и внутреннего наблюдателя травли – «травму свидетеля».

Стивен Карпман рассмотрел этот треугольник в отношениях между субъектами, мы рассмотрим эту теорию как внутренний выбор личности. Каждый из нас может примерить на себя определённую роль в своеобразной игре жизни в какой-либо социокультурной ситуации, а устойчивое принятие какой – либо одной из трёх моделей поведения мы назовём паттерном. В различных ситуациях человек может проявлять разнообразные грани своей личности, выступая в какой – либо хорошо знакомой и понятной социальной роли: жертва, агрессор, наблюдатель; а, возможно, в различных ситуациях – в любой из этих трёх ролей. Таким образом, внутренние герои личности могут выбрать для себя адаптивную стратегию поведения в социокультурной ситуации: пассивная жертва будет избегать борьбу – личность испытывает стагнацию; склонный к соглашательству наблюдатель будет уступать и агрессору, и жертве – личность обнаруживает страх или равнодушие; активный агрессор будет побеждать проявление иной личности – личность действует давлением. Личность, опираясь на собственную адаптивную природу, в различных социокультурных ситуациях может быть жертвой, агрессором и наблюдателем. При этом личность может оставаться чётко интегрированной в социум, либо быть дифференцированной и нуждаться в психологической коррекции. Рассмотрим выбор личностью стратегии поведения в контексте изучения вины для моделей поведения «агрессор», «жертва» и «наблюдатель» после перенесённой ситуации предельной агрессии. Например,

под влиянием усвоенных паттернов, «агрессор» может выбрать стратегию «бойцы» и «карьеристы», так как именно эти стратегии требуют напористости, проявления стабильной энергии, амбициозной позиции победителя; «жертва» может выбрать стратегию «стабильные», «творческие», так как именно эти стратегии допускают соглашательство, послушание, конформизм; наблюдатели могут выбрать стратегию «терпеливые», «родители», «волонтёры», так как эти стратегии наиболее самостоятельны и независимы от окружающих, являются прекрасной компенсацией бездействия в ситуации предельной агрессии. Под влиянием агрессии и предельной агрессии как пережитых аффектов – буллинга и суицида – личность может выбрать путь «духовный», «научный», «комбинированный», а также реализовывать стратегию «карьеристы» ((Ткачук 2023). Мы предполагаем, что в актуальной культурной ситуации в системе знакомых паттернов, в понимании и принятии личностью ролей в трагическом треугольнике, единственную важную роль для изменения негативного жизненного сценария играет вина – как межролевой регулятор. Данный феномен является ресурсом для личности: мощным регулятором межличностных отношений, внутренним регулятором успешности и благополучия. Таким образом, вина может быть встроена в стратегию личностного роста как адаптивный элемент для выбора личностью безопасной и наиболее успешной стратегии жизни.

Феномен вины в стратегии волонтёров и родителей

Рассмотрим, как проявляется исследуемый феномен в стратегиях волонтёров и родителей. Данные стратегии личностного роста выглядят привлекательно, являются позитивными и одобряемыми как социальное явление. Однако, мы предполагаем, что за внешней привлекательностью данных стратегий могут скрываться чувства и переживания, формирующие вину: рассмотрим их внутреннее наполнение. Миллионы волонтёров во всём мире идут по пути добровольческой деятельности. Не смотря на то, что термин «волонтерство» имеет различные варианты объяснения, основное значение - «безвозмездная помощь». Трудиться на чьё-то благо, выполнять чужую работу безвозмездно, находиться в странном положении слуги или раба, исполняющего работу бесплатно для кого-то, а не себя - мотивы этой стратегии, при осознанном пути волонтёра и его добрых намерениях, могут указывать на скрытое чувство вины и на реализацию скрытого желания наказать себя за что-то, сделать то, что не сделал для близких, либо возможно испытывать счастье опосредованно, через посторонних людей, как бы запрещая себе самому испытывать и проявлять какие – либо эмоции.

Стратегия «родители» имеет несколько причин для формирования вины:

- родители могут испытывать когнитивный диссонанс из-за сочетания религиозных, например, христианских ценностей, отражающих скромность и стыд, и, одновременно с этим, мыслей о том, что ребёнок «зачат во грехе»;
- родители могут выражать благодарность врачам и, одновременно, испытывать злость на них из-за физического дискомфорта во время процесса родов, боли и унижения в больничной палате;
- родители могут испытывать радость и счастье, собственную нужность и социальную значимость из-за рождения ребёнка, одновременно испытывать злость на ребёнка, думая о том, что «ребёнок причинил дискомфорт и боль во время вынашивания и родов»;
- родители счастливы вкладывать деньги в ребёнка, но отсутствие достойной материальной компенсации злит: ребёнок лишает денег, слишком много расходов;
- родители хотели бы всё своё время уделять ребёнку, чтобы воспитать его лучшим образом, но потеря личного времени и определённой несвободы порождает злость на ребёнка;
- родители рады и хотят заботиться о ребёнке, но ноша ответственности может злить и тяготить: «мы должны отвечать за его здоровье, поступки, но он может быть капризным, больным, слабым, ребенком с инвалидностью и я злюсь на него за это»;
- родители могут мечтать о ребёнке – гении, а ребёнок может быть ребёнком-аутистом, обладать дислексией или СДВГ, он не соответствует ожиданиям, и это злит родителей.

Поскольку стратегия «родители» предполагает социальное одобрение, участники и носители данной стратегии должны транслировать радость и счастье за соответствие себя социуму и социально одобряемым нормам, однако злость, которую могут испытывать родители друг на друга, на врачей, на ребёнка, не соответствует данному социально образу, поэтому это может вызывать дезадаптацию и разбалансировку личности в социокультурном пространстве. В данном контексте речь идёт о вине из-за злости на ребёнка, а это социально недопустимо и не одобряемо. Таким образом, в данном случае вина может быть связана с запретом на чувства, которые не соответствуют идеалу либо связаны с проявлением негативных эмоций по отношению к ребёнку. Мы рассмотрели поведение родителей невротического типа, который сложился как устойчивый способ реагирования на ситуацию - паттерн: тип реакции и тип мышления - под влиянием биологических, физиологических и социальных факторов. Рассмотрим как реализуется в стратегии психопатический тип личности. Родители психопатического типа, не испытывают вину, так как психопаты – это люди без способности к эмпатии, поэтому мы можем предположить, вина не

представлена в их стратегии. Поскольку любая стратегия личностного роста связана с адаптивностью, а также с отслеживанием своего места в социокультурном пространстве, для психопата будет важным удержание агрессивного импульса: для ребёнка родитель может стать агрессором, но для социума он должен оставаться нормой – милым человеком.

В ходе психологической помощи многие внутренние конфликты могут быть проработаны и станут ресурсами для поиска и реализации оптимальной стратегии личностного роста в актуальной культурной ситуации.

Заключение

Культурная ситуация каждого исторического периода влияет на формирование личности, а политическая и социальная обстановка, в которой человек рождается, живёт и развивается, представляет нам возможность наблюдать разнообразные варианты развития личности. Смыслы и модели вины формирует само общество осуждением или одобрением, опираясь на нравственность и актуальные тенденции. Переживание вины выступает в стратегии личностного роста индивида компонентом личной культуры преодоления негативного жизненного сценария. Таким образом, данное исследование представляет интерес для культурологического знания: обобщает и явно демонстрирует устойчивые модели поведения в актуальной социокультурной ситуации; фиксирует культурные нормы, сформированные в российском обществе; указывает на возможности моделирования поведения - как общественной нормы - в социокультурном пространстве. В статье рассмотрена роль вины в формировании различных стратегий личности под влиянием социокультурных событий и личного пережитого опыта: данный феномен находит своё отражение в адаптивной структуре личности; влияет на концептуальную установку индивидуальной и коллективной культуры преодоления; помогает осмыслить вину в рамках психотерапии неврозов, профилактика суицида.

Список источников

Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. Практикум по психотерапии. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 544 с.

Библия : книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Москва : Изд-е Моск. патриархии, 1992. 1371 с.

Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. А. В. Миллера с анализом текста и предисловия Дж. Н. Финдли. Оксфорд: Clarendon Press, 1977. Параграф 182. 112 с.

Дженкова Е. А. Концепты “стыд” и “вина” в русской и немецкой лингвокультурах : специальность 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Волгоград, 2005. 28 с.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание : роман / сост., коммент. Т. А. Касаткиной. Москва : Дрофа, 2008. 605 с. (БК. Библиотека отечественной классической художественной литературы : в 100 т.).

Жмуров Д. Словарь терминов агрессии и насилия. Анатомия жестокости : Anatomiq zestokosti. LAP LAMBERT Academic Publishing (29 августа 2011 г.). 272 с.

Кляйн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. Санкт-Петербург, 1997. 100 с.

Кон И. С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности. Москва: Наука, 1979. С. 85–113.

Коран / АН СССР. Ин-т востоковедения; пер. и коммент. И. Ю. Крачковского; [ред. В. И. Беляева; предисл. П. Грязневича, В. Беляева]. 2-е изд. Москва : Наука, 1990. 727 с.

Короткова Е. В. Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : дис. на соиск. учен. степени канд. психол. наук. Ростов-на-Д., 2002. 184 с.

Луман Н. Понятие риска // Thesis : альманах. 1994. № 5. С. 135–160.

Марсель Г. Опыт конкретной философии / [пер. с фр. В. П. Большакова и В. П. Визгина]. Москва : Республика, 2004. 222, [2] с. (Мыслители XX века).

Мей Р. Сила и невинность. Москва: Винтаж, 2012. 224 с.

Ницше, Ф. В. Генеалогия морали / пер. В. А. Вейншток ; под ред. В. В. Битнера. Москва : Юрайт, 2023. 144 с. (Антология мысли).

Предотвращение убийств // World health organization : [офиц. сайт]. URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_suicide_report_russian.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

Сидоренко Ю. И. Место и роль нравственных качеств в системе морального сознания // Вестник Московского университета. 1971. № 5. С. 48– 57.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Москва : Акад. проспект, 1999. 320 с.

Тимошенко С. А. Вина как феномен культуры и инструмент культурно-антропологического анализа : специальность 09. 00. 13 «Философская антропология, философия культуры» : дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. Зерноград, 2014. 159 с.

- Ткачук, И. Б. Типология стратегий личностного роста в современной культуре // Вестник культуры и искусств. 2023. № 4 (76). С. 92–101.
- Флиер, А. Я. Культура как тюрьма // Флиер А. Я. Некультурные функции культуры : очерки. Москва : МГУКИ, 2008. С. 33–51.
- Фрейд З. Введение в психоанализ. Москва : АСТ, 2007. 640 с.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. Э. М. Телятникова. Москва: АСТ, 2022. 736 с. : ил. (Эксклюзивная классика).
- Шустов Д. И. Аутоагрессивность и иллюзия бессмертия // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. №1, март. URL: <https://psyjournal.ru/articles/autoagressivnost-i-illyuziya-bessmertiya> (дата обращения: 22.03.2024)
- Эллис А. Психотренинг по методу Альберта Эллиса // LibFox.Ru (ЛибФокс) : [электрон. б-ка]. URL: www.libfox.ru/392985-albert-ellis-psihotrening-po-metodu-alberta-ellisa.html (дата обращения: 25.03.2024).
- Эриксон Э. Детство и общество. Санкт-Петербург : Университет. кн., 1996. 592 с.
- Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. Москва : Класс, 1999. 576 с.
- Irving L. Janis. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign Policy Decisions and Fiascos. Boston, Mass.: Houghton Mifflin, 1972. Pp. 276.
- Karpman, S. Script Drama Analysis II // International Journal of Transactional Analysis Research & Practice. 2019. Vol. 10, no. 1. P. 21–39.
- Jaspers, Karl Psychologie der Weltanschauungen. Tijdschrift Voor Filosofie. 1973. No 35 (1). P. 203–206.

References

- Beck A., Freeman A. (2002) *Kognitivnaya psikhoterapiya rasstroistv lichnosti. Praktikum po psikhoterapii* [Cognitive psychotherapy for personality disorders. Workshop on psychotherapy]. St. Petersburg: Peter. 544 p. (In Russ.)
- Bibliya : knigi Svyashchennogo pisaniya Vekhogo i Novogo zaveta* (1992) [Bible: books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Publishing House Mosk. Patriarchate. 1371 p. (In Russ.)
- Hegel, G. W. F. (1977) *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of spirit]. Oxford: Clarendon Press. Paragraph 182. 112 pp. (In Russ.)
- Dzhenkova E. A. (2005) *Koncepty «styd» i «vina» v russkoj i nemeckoj lingvokul'turah* [The Concepts of “Shame” and “Guilt” in Russian and German Linguocultures: dis.... PhD in Philological Sciences : 10.02.20. Volgograd. 237 p. (In Russ.)
- Dostoevsky F. M. (2008) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment : novel]. Moscow: Bustard, 2008. 605 p. (BC. Library of Russian classical fiction: 100 volumes). (In Russ.)
- Zhmurov D. (2011) *Slovar terminov agressii i nasiliya. Anomiya zhestokosti : Anomiya zhestokosti* [Dictionary of terms of aggression and violence. Anatomy of cruelty: Anomiya zhestokosti]. LAP LAMBERT Academic Publishing (August 29). 272 pp. (In Russ.)
- Luhmann N. (1994) Ponyatie riska [The concept of risk] *Thesis: almanac*. No. 5. pp. 135–160. (In Russ.)
- Marcel G. (2004) *Opit konkretnoi filosofii* [Experience of concrete philosophy]. Moscow: Republic. 222, [2] p. (Thinkers of the 20th century). (In Russ.)
- Klein M. (1997) *Zavist i blagodarnost. Issledovanie bessoznatelnykh istochnikov* [Envy and gratitude. Exploring unconscious sources]. St. Petersburg. 100 p. (In Russ.)
- Kon I. S. (1979) Moralnoe soznanie lichnosti i regulativnye mekhanizmi kulturi [Moral consciousness of the individual and regulatory mechanisms of culture]. *Social psychology of personality*. Moscow: Nauka. pp. 85–113. (In Russ.)
- Koran* (1990) [Koran]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1990. 727 p. (In Russ.)
- Korotkova E. V. (2002) *Sotsialno-psikhologicheskii analiz vini i stida kak sistemi otnoshenii lichnosti k sebe i drugomu : spetsialnost 19.00.05 «Sotsialnaya psikhologiya» : dis. na soisk. uchen. stepeni kand. psikhol. nauk* [Socio-psychological analysis of guilt and shame as a system of relationships between an individual and himself and others: specialty 19.00.05 “Social Psychology”: dis. for the job application scientist Ph.D. degrees psychol. Sci.]. Rostov-on-D. 184 p. (In Russ.)
- May R. (2012) *Sila i nevinnost* [Strength and innocence] Moscow: Vintage. 224 p. (In Russ.)
- Nietzsche, F.W. (2023) *Genealogiya moralii* [Genealogy of morality]. Moscow: Yurayt. 144 p. (Anthology of Thoughts). (In Russ.)
- Predotvrashchenie ubiystv [Preventing murders]. *World health organization*: [official. website]. URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_suicide_report_russian.pdf (access date: 03/25/2024). (In Russ.)
- Sidorenko Yu. I. (1974) Mesto i rol npravstvennykh kachestv v sisteme moralnogo soznaniya [The place and role of moral qualities in the system of moral consciousness] *Bulletin of Moscow University*. 5. pp. 48–57. (In Russ.)
- Stefanenko T. G. (1999) *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology.]. Moscow: Acad. prospect. 320 p. (In Russ.)
- Timoshenko S. A. (2014) *Vina kak fenomen kulturi i instrument kulturno-antropologicheskogo analiza : spetsialnost 09. 00. 13 «Filosofskaya antropologiya, filosofiya kulturi» : dis. na soisk. uchen. stepeni kand. filos. nauk* [Wine as a cultural phenomenon and a tool of cultural-anthropological analysis: specialty 09.00.13 “Philosophical anthropology, philosophy of culture”: dis. for the job application scientist Ph.D. degrees Philosopher sciences]. Zernograd. 159 p. (In Russ.)
- Tkachuk, I. B. (2023) Tipologiya strategii lichnostnogo rosta v sovremennoi culture [Typology of personal growth strategies in modern culture]. *Bulletin of culture and arts*. 4 (76). pp. 92–101. (In Russ.)
- Flier, A. Ya. (2008) *Kultura kak tyurma* [Culture as a prison]. *Flier A. Ya. Non-cultural functions of culture: essays*. Moscow: MGUKI. pp. 33–51. (In Russ.)
- Freud Z. (2007) *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow: AST. 640 p. (In Russ.)
- Fromm E. (2022) *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow: AST. 736 p.: ill. (Exclusive classic). (In Russ.)
- Shustov D. I. (2005) Autoagressivnost i illyuziya bessmertiya [Auto-aggressiveness and the illusion of immortality]. *Journal of practical psychology and psychoanalysis*. 1, March. URL: <https://psyjournal.ru/articles/autoagressivnost-i-illyuziya-bessmertiya> (access date: 03.22.2024). (In Russ.)

- Ellis A. Psikhotrening po metodu Alberta Ellisa [Psychotraining using the Albert Ellis method]. *LibFox.Ru* (LibFox): [electronic. b-ka], available at: www.libfox.ru/392985-albert-ellis-psihotrening-po-metodu-alberta-ellisa.html, accessed 03.25.2024. (In Russ.)
- Erickson E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg: University. book. 592 p. (In Russ.)
- Yalom I. (1999) *Ekzistentsialnaya psikhoterapiya* [Existential psychotherapy]. Moscow: Klass. 576 p. (In Russ.)
- Irving L. Janis. (1972) *Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign Policy Decisions and Fiascoes*. Boston, Mass.: Houghton Mifflin. Pp. 276.
- Karpman, S. (2019) Script Drama Analysis II. *International Journal of Transactional Analysis Research & Practice*. 10, 1. pp. 21–39.
- Jaspers, K. (1973) Psychologie der Weltanschauungen. *Tijdschrift Voor Filosofie*. 35 (1). pp. 203–206.

Информация об авторе

И. Б. Ткачук – аспирант кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры.

Information about the author

Irina B. Tkachuk – postgraduate student, Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024;
принята к публикации 18.04.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 17.04.2024;
accepted for publication 18.04.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.